

"Археологи не обнаруживают таких ранних стадий человеческого существования, когда бы не было у нас искусства. Еще в предутренних сумерках человечества мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть. И не успели спросить: ЗАЧЕМ нам этот дар?"

Нобелевская лекция.

Конечно, дело не в "искусстве": никогда Солженицын и не брал "этот дар" так узко. Дело — в том, чьи Руки у него — с прописной буквы. Дело — в контакте, в жесте: из Рук в руки. И то, что хотел бы их разглядеть, да вот не успел. Интересно: а в принципе ЭТО можно ли "разглядеть"? А разглядишь — ЧТО увидишь? "Руки"? А если "руки" — не пропадет ли самый смысл того, что нас создало, не профанируется ли, не подменится ли нашим низким?

Читатель понимает, надеюсь, что я цитирую А. Солженицына не ради гностического спора. Меня интересует внутренний духовный статус одного из крупнейших писателей XX века. Разумеется, на семистах страницах первого тома его "Публицистики" (а еще два или три тома будут) рассыпано множество мыслей, которые хочется подхватить, проверить, оспорить. По ограниченности газетного отклика я подхватываю немногое и в основном то, что хочется оспорить. Но, рассыпая трубный глас на ноты (то есть сводя его на уровень моего слуха и понимания), я хочу обозначить общий регистр. Конечно, когда пророк трубит о бытийной катастрофе сущего, неудобно спрашивать о том, что за ближайшим поворотом, но поскольку все мы оббиваем себе бока именно на ближайших поворотах, то поневоле всматриваемся в "руки", передающие тебе очередной приговор, по свершении же срока ощущаешь: исполнилось ли?

Соединенным Штатам предсказано в 1973 году близкое "великое расстройство" (173).

Не сбылось. "Великие европейские державы перестанут существовать как серьезная физическая сила" (150).

Существуют, и ни в зуб ногой.

"Жадная цивилизация "вечного прогресса" захлебнулась и находится при конце" (159).

Что-то непохоже. Опять хитрый Запад вывернулся? И мы его очередной раз "догоняем"?

"Оробелый цивилизованный мир перед натиском внезапно воротившегося оскаленного варварства не нашел ничего другого, кроме как уступить и улыбнуться" (19).

Так-таки и не нашел? А с чего это оскаленное варварство так внезапно надорвалось, и теперь цивилизованный мир гадает: от его ли улыбок это произошло или от того, что крылось за улыбками?

"Мировая война уже пришла и уже почти прошла, вот кончается в этом году, — и уже проиграна свободным миром катастрофически" (225).

"В этом году" — это в 1975-м. Приговорен Запад к проигрышу в "холодной войне", а не внял и войну выиграл.

Ну а проигравшие?

"Совмещение марксизма с патриотизмом? — бессмыслица. Эти точки зрения можно "слить" только в общих заклананиях, на любом же конкретном историческом вопросе эти точки зрения всегда противоположны" (176).

Что-то не подтверждается. "Бессмыслица", выходит, реальнее "смысла". То есть, конечно, логически все это "слить" и теперь невозможно. Но спрашивать с нашей жизни логики — все равно, что разглядывать Руки Творца. Или копировать Его жесты.

Великий писатель наделен — плюс к чувству глобальной ситуации — поразительной пластичностью зренья (а может, именно этим и наделен изначально), поэтому он одержим желанием — в каж-

ней советской жизни, и только очистившись от него, мы сможем начать возвращаться к человечеству" (218).

Очистились. Полетчало?

"Отдайте им (китайцам) — Л.А. эту идеологию!" Отдали. Им хорошо, нам опять плохо.

И даже так:

"Вспоминаю как анекдот. Осенью 1941-го: уже пылала смертная война, я — в который раз и все безуспешно — пытался вникнуть в мудрость "Капитала" (96).

Не нахожу в этом ничего анекдотического. Посреди

ритуализовался, что истинность Самого Передового Учения интересовала разве только ископаемых безумцев и... Александра Солженицына, который осенью 1941-го продолжал честно штудировать "Капитал".

Психологически его можно понять и после 1941 года, то есть в 1973-м, когда написано "Письмо вождям Советского Союза". Пытаясь перевернуть мир, писатель ищет ту единственную точку опоры, которая находится в сфере его досягаемости, — словесную. Он убеждает себя, что

нания. И "вожди" их повторяют не из "жажды власти", а из чувства безопасности. И миллионы людей ждут от "вождей" такого ритуального повторения.

Почему ждут? А из того же чувства безопасности. Ведь не один же Солженицын задумывался: разорвись "сетка лжи" — какой окажется правдой? А такой, что иной возьмет винтовку и поедет с ней куда считает правильным. Вот и едут сегодня, да не с винтовками, а с автоматами и гранатометами. Межнациональные драки идут там, где раньше сковывала людей ритуальная "дружба народов", — уж тут точно по предсказанию Солженицына все рухнуло. И, как он предупреждал, "безграничная свобода дискуссион" разоружила-таки страну и привела ее на грань "капитуляции в непроигранной войне". Так это не один он предчувствовал, но и "вожди" наши, лгавшие народу, и миллионы людей, ждавшие от них этой лжи. Они только, в отличие от Солженицына, не имели ни таланта сформулировать это так ярко, ни свободы выкрикнуть на весь мир, презирая опасность последствий.

Они последствий боялись. Потому и запрещали рвущийся наружу крик. Потому и Сахарова загоняли в горьковскую глушь, а Солженицына — за рубеж. Пятились, пятились, уклонялись от правды, цеплялись за ложь, про которую все прекрасно знали, что это ложь. Ложь во спасение. Ложь, которая, увы, уже не спасает.

Но сколько-то спасала же? Спасала.

Великий японский писатель Акутагава вскрыл этот механизм в одной фразе: когда вождь лжет и страна знает, где, как и почему он лжет, так это все равно, как если бы он говорил чистую правду.

Великий русский писатель Солженицын одною же фразой решил иначе: "Жить не по лжи!"

В основе этого лозунга — идеальное, "математическое" понимание реальности: есть правда и есть ложь, и все, что неправда, все — ложь. Для уравнивания — замечательно. Для публицистической парадигмы — достаточно хорошо.

Для реальной жизни — никак. Потому что в реальной жизни правда и ложь перемешаны, и определять нужно, где что, — каждое мгновение заново. Одно и то же утверждение может быть правдой и ложью в зависимости от контекста, а контекст — много слоен, многосложен, изменчив. Хуже того: правда может служить лжи, играть роль лжи, быть ложью. И еще того хуже, сложной, коварной: ложь может играть роль правды, быть правдой. Быть жизнью, жизнью множества людей и уже ПОЭТОМУ быть правдой.

Я отлично знаю, какие капитальные расхождения кроются за этим "гносеологическим спором". Вы считаете, что семьдесят советских лет — тупик и обман, а я считаю, что этап. Страшный этап, кровавый, тюремно-лагерный, военноказарменный. Независимо от того, какой "ложью" он прикрыт: марксистской, антимарксистской, австро-марксистской, квазимарксистской, псевдомарксистской, красносотенной, черносотенной, ортодоксально-православной или староверской. Знаете другой путь? Рискуете бы поведи?

Но для этого не хватает малости: разглядеть Руки, из которых пал нам жребий. "Не успели"? Терпите.

Не велит терпеть: — Как только услышите от оратора ложь, тотчас покиньте заседание, собрание, лекцию, спектакль, киносеанс...

Хочется переспросить: а кто установит точно, где кон-

чается ложь и начинается правда?

Ответ: а ТЫ САМ и решаешь, как тебе говорит твоя совесть!

Но ведь тогда призыв "Жить не по лжи" — сплошная абстракция. Какой смысл в общем призыве, если один по зову совести двинет пострелять в горячую точку, а другой с телеграфного столба начнет срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей?

Ах, да, речь-то обращена не к этим двум монстрам, а к третьему: к "интеллигенту".

Попробуй, однако, найди его: грани размыты, объем раздут, смысл искажен, самосознание смутно. Кто угодно назовет это звание.

"Насколько чудовищно мнилось до революции назвать интеллигентом священника, настолько естественно теперь зовется интеллигентом партийный агитатор и политрук" (98).

Это — из статьи "Образованщина" (1973), где впервые с такой обидной ясностью высказал Солженицын безгласное презрение к тем людям, которые называют себя сегодня интеллигентами или "требуют считать себя таковыми"... Требуют?! Сразу ловлю на слове. Но интеллигент не "требует". Он даже и не настаивает. И даже так: по известному определению, интеллигентный человек — это именно тот, кто не настаивает. Но это к слову. Главная же мысль Солженицына: интеллигенции больше нет. И он изобретает хлесткую кличку для тех, кто занял ее место: "образованщина".

Есть, стало быть, в обществе это МЕСТО, эта, извините, прореха, этот свищ в "зияющие высоты", и в нормальном обществе, не говоря уж о ненормальном, ВСЕГДА БУДЕТ этот высвист в безумие, скачок в "никуда" через все расчисленные орбиты. Юродивый, скомоорох — вот "интеллигент" на Руси в доуниверситетскую пору. В университетскую пору они из университетов же и поперли — "не кончив курса", — пошли, безумцы, страну раскачивать. И нынешние полужайки-полудурки никуда не денутся: их той же радиацией облучит, из кого бы ни навербовались...

И вот внук "политрука", "комиссара", проникнувшись идеями Фридмана, говорит скифскому совету: "Отнюдь!". За что освистан, бит, согнан, как самый несправедливый интеллигент. А другой сразу сам уходит. И дети его "на короткое вырастают, да честными".

Не все дети, конечно. А из трех братьев первый идет системе служить, второй — систему кормить, а уж третий — "неудачный" — о Причине Космоса думать, карту звездного неба к утру исправлять, над несправимостью рода человеческого плакать, под ногами путаться, корочки подбирать. И попадает в настоящую "интеллигенцию".

"Была б интеллигенция ТАКАЯ — она была бы непобедима" (106).

Непобедима?? Вот уж не думаю. Да она по определению побеждаема, побиваема. Это ее удел. Не хочешь — выходи из интеллигенции. Бери палку, бей сам. А не можешь бить — готовься. Только не закливайся на том, что тебе конкретно будет вправлять мозги и ломать кости "в каждой конкретно-исторической обстановке": опричник с собачьей головой у седла, латыш со штыком, маляр с пистолетом или парторг зоны с великой стройки. Ибо жребий не переменится от того, чьими слепыми руками он будет исполнен.

Руки же, метнувшие сам этот жребий интеллигентам, она конечно же "не успеет разглядеть".

Лев АННИНСКИЙ.

РУКИ ТВОРЦА

Куранты. — 1996. — 12 янв. — с. 4.

Читая "Публицистику" А. Солженицына

дом случае — разглядеть все предметно.

Подступает к "вождям" с попреком:

"А как мы вырастили Мао Цзедуна вместо миролюбивого Чан Кайши и помогли ему в атомной гонке?" (153).

А Дэна-миротворца не "мы" вырастили?

Не подумайте, что я заиклен на фактах (Мао очень хотел участвовать в атомной гонке и очень надеялся, что "мы" его в этом отношении поддержим, да вот бомбы "мы" ему так и не дали: Сталину, которого Солженицын считает "бездарным", хватило геополитической зоркости, и "идеология" ему не позастыла, но я не об этом. Я о соотношении уровней в публицистике Солженицына. Он все время впарывается в материи, над которыми вроде бы высоко летит. Сигнализирует "вождям": вы прохлопали то-то и то-то. Как будто от вождей 70-х годов, бессильных стариков, сильно зависят те процессы, о которых он ведет речь. Да они оцепенели, замерли в ожидании удара и боятся что-нибудь стронуть — как бы корабль на ходу не развалился. А он им: не так сидите, да и корабль не тот. Демографические фронты стоят по Амуру: сто китайцев — на одного русского! А он им: не того "вождя" кормили! Много они могли выбирать, кого им кормить.

Главный магический пункт, почти "пунктик" — не та Идеология!

"Марксистская Идеология — зловонный корень сегодняш-

смертной войны человек продолжает конспектировать Маркса — это акт упорства, верности долгу, интеллектуального мужества независимо от того, мудр или не мудр автор "Капитала".

И точно так же, независимо от его мудрости, если уж "Капитал" оказался тем топором, из которого сварили суп, так этот суп и есть реальность. Раз вокруг какого-то стержня скрепилось, значит, это УЖЕ реально. Потому и "пытался вникнуть" — чувствовал.

Могло скрепиться вокруг другого стержня?

Могло. В 1917 году было две идеологии, за которыми реально было повести массу: большевистская и черносотенная. Победила первая — и прикрыла собой все: всенародную казарму, тотальную воинскую повинность, удешевление отклоняющихся, то есть всю ту реальность, которую Россия получила вместе с Мировой войной из Рук, которых "не успела разглядеть". А победы в ту пору "Союз русского народа"? Казарма устроилась бы под рутиками, и уклоняющихся душили бы под другие, немарксистские акафисты.

Верила ли коммунистическая власть в коммунистические догматы? Первое время, может, и верила. Но марксизм столько раз выворачивался сообразно практическим нуждам и уже по первому усвоению так был адаптирован к русской почве, в пору же строительства "развитого социализма" уже настолько

именно это — главное, решающее, реальное препятствие. Сдуть словесную пену — и все пойдет к лучшему!

Сахаров с трезвостью естествоиспытателя возражает: пена не имеет значения, все это лицемерная болтовня, которой правители прикрывают жажду власти.

Вот рухнула она в одночасье, эта система словесная, и когда УЖЕ рухнула, никто не пожалел о ней, и легкость, с которой от нее все отвернулись, свидетельствует о том, что в этом вопросе ближе к истине был академик. Но интересен пункт, в котором оба они — академик и писатель — сошлись: это их прикровенность к этажу власти — к "правителям" и "вождям". Один убежден, что все дело во властолюбии правителей, другой увещевает их перестать верить в Идеологию.

Да они и не верят. Но шукой, звериным инстинктом знают, что надо за нее держаться, чтобы не стронуть лавину. Они не хуже Солженицына чувствуют опасность, нависшую над страной. И не только они, от решения которых, как думает увещевающий их писатель, зависят судьбы народа (ни черта от них уже не зависит, и они, в отличие от писателя, это тоже чувствуют и потому не позволяют тронуть "сеть слов", которой повязаны все).

Все — миллионы людей в городе и в деревне, в цехах и в бараках, в саунах и в курилках НИИ повторяют пустые ритуальные закливания, зная, что это пустые ритуальные закли-